



**Крестьянинов А.В.**

*Казанский федеральный университет  
420008, Россия, г. Казань, ул. Кремлёвская, 18  
artkres@mail.ru*



### **Бюрократическая «этнография» рябиновского согласия в первой половине XIX в.**

**Аннотация.** Данная статья посвящена тому, как в первой половине XIX в. в процессе коммуникации светских и церковных властей Казанской губернии с представителями рябиновского согласия собиралась информация о малоизвестном старообрядческом согласии. К началу XIX в. рябиновский толк или «согласие по кресту» не упоминается ни в одних полемических или исторических трудах. Сами адепты этого согласия также не отличались активной полемической

деятельностью, а следовательно, не оставили ни одного опубликованного источника с описанием их религиозного вероучения. Усиление административных ограничений и локального надзора над приходской жизнью православных в годы правления Николая I привело к росту следственных дел против представителей различных старообрядческих согласий, обвинённых в уклонении (отступничестве) из православия в раскол. В контексте расследования чиновники из губернского правления и священнослужители приходской церкви и духовной консистории в ходе допросов и увещаний собирали информацию о рябиновском согласии. Ими были собраны данные о обрядах крещения, заключения брака, причастия, исповеди и погребения. Данные материалы позволяют в определённой степени реконструировать религиозную повседневность рябиновцев в рассматриваемый период времени. В статье сделано предположение, что обрядовая практика рябиновцев оказывается близка к религиозной повседневности старообрядцев Спасова согласия. Выделяются также и отличительные черты рябиновцев: деревянный крест без обозначения лика Христа, крещение с участием повивальных бабок или наставников, внецерковные браки с родительского благословения, моления за царя.

**Ключевые слова:** согласие по кресту, рябиновское согласие, рябиновцы, старообрядцы, православная церковь, православный приход, старообрядческие согласия

**Artem V. Krestyaninov**

*Kazan Federal University  
18 Kremlevskay str., Kazan, 420008, Russia  
artkres@mail.ru*

### **The Bureaucratic “Ethnography” of the Ryabinovtsy in the First Half of the 19th Century**

**Abstract.** This article analyzes the process of gathering information about the little-known Old Believers' denomination through the communication between the secular and church authorities of Kazan province and the representatives of the Ryabinovtsy the first half of the 19th century. By the beginning of the 19th century, the Ryabinovtsy, or “denomination of the cross” had not been mentioned in any polemical works, written by either Orthodox, or Old Believers. They did not have any published sources describing their religious doctrine. The strengthening of administrative restrictions and local oversight of Orthodox parish life during the reign of Nicholas I led to an increase in investigative cases against the Ryabinovtsy who were accused of defecting from Orthodoxy to schism. In the context of these investigations, officials from the provincial government and clergymen from the parish church and religious consistory collected information about the Ryabinovtsy during interrogations and persuasions. They gathered data on the rites of baptism, marriage, communion and confession, and burial. These materials allow reconstructing to some extent the religious everyday life of the Ryabinovtsy during the period in question. In the article assumption is made that ceremonial practice of the Ryabinovtsy is close to the religious everyday life of the Spasovo denomination. Distinctive features of the Ryabinovtsy were singled out: a wooden cross without the face of Christ marked, baptism with midwives or tutors, extra-church marriages with parents' blessing, and prayers for the tsar.

**Key words:** Denomination of the Cross, Ryabinovtsy, Old Believers, Orthodox Church, Orthodox parish, Old Believers' denominations

### Введение

Научный интерес исследователей к многочисленным конфессиональным группам Российской империи обусловлен необходимостью понимания специфики религиозного опыта «народных масс» государства (от крестьянства до представителей дворянских кругов). В исторических работах, вышедших уже в постсоветский период и посвящённых различным аспектам конфессиональной ситуации в империи, авторам удалось продемонстрировать многообразие форм религиозной жизни подданных государства [Werth, 2011, 851–852]. Они подвергли сомнению возможности традиционной историографической оппозиции «высокая» – «низкая» религиозная культура населения или моноцентричной картины с замкнутыми «в себе» конфессиональными группами и правительством, которое стремится всеми административными методами эти группы подавить.

В этом историографическом контексте показательны взаимоотношения разных старообрядческих согласий с имперским правительством в XVIII – начале XX вв. Существует обширная историографическая традиция, посвящённая истории и культуре различных старообрядческих согласий [Смирнов, 1909; Покровский, 1974; Мальцев, 2006; Юхименко, 2002 и др.] и дискриминационной политике российских властей по отношению к ним [Щапов, 1862; Фирсов, 2009; Marsden, 2015 и др.]. Безусловно, на протяжении практически всего имперского периода до 1905 г. старообрядчество находилось в маргинальном правовом положении, не являясь признанной конфессией и подвергаясь административным ограничениям. Несмотря на то, что к началу XIX в. правительству и церковным властям была известна специфика религиозных культур наиболее крупных старообрядческих общин (поморцев, федосеевцев, филипповцев, поповцев)<sup>1</sup>, локальные чиновники и представители приходского духовенства по-прежнему могли встретить адептов малоизвестных старобрядческих согласий. Тем самым именно на местных бюрократах и священнослужителей возлагалась обязанность по описанию и изучению этих религиозных групп. Об этом свидетельствует история взаимоотношений между представителями «Рябиновского согласия» или «согласия по кресту» и церковных и светских властей Казанской губернии в годы правления Николая I. В рамках данной статьи будет показано, как в условиях административной коммуникации имперских властей (светских и духовных) с рябиновцами правительство, с одной стороны, стремилось маргинализировать их в приходском пространстве, ограничивая контакты с местной православной церковью, а с другой стороны, стремилось классифицировать данную общину в рамках каталога старообрядческих согласий в пространстве Российской империи. Таким образом, благодаря чиновникам и православному духовенству удаётся узнать о специфике религиозного вероучения последователей «согласия по кресту».

#### **Рябиновское согласие в источниках и литературе**

Особенностью данного старообрядческого «толка» (составляющей сложность для современных исследователей) является малочисленность представителей и отсутствие каких-либо опубликованных источников, написанных непосредственно самими рябиновцами, в которых разъяснялись бы их религиозные взгляды. Профессор Казанской Духовной академии, полемист Н.И. Ивановский указывал, что в Казанской губернии в 1860-е гг. насчитывалось 1514 человек [Ивановский, 1867, 44], по подсчётам современного исследователя в начале XX в. – уже 3804, а в Уфимской губернии – 7948 человек [Боровик, 2005, 299]. Основными источниками, позволяющими реконструировать религиозный мир рябиновцев, становятся или современные этнографические материалы, или следственные дела, возбуждённые против них имперскими властями в 1830–1850-е гг. Последние этнографические сведения о рассматриваемом старообрядческом согласии были собраны под руководством А.В. Черных в результате экспедиции в 2019 г. в районе Нижней Камы, в дальнейшем опубликованные в отдельной статье [Черных, Вострокнутов, 2020]. Исследователям удалось представить конфессиональные маркеры самоидентификации верующих, главная особенность которых заключается «в использовании деревянных крестов – как нательных крестов, так и киотов с деревянными крестами – и наличии системы представлений, связанных с ними» [Черных, Вострокнутов, 2020, 33].

Следственных дел за период 1830–1850-е гг., непосредственно касающихся представителей рябиновского согласия, в Государственном архиве Республике Та-

тарстан в фондах Казанского Губернского правления и Казанской Духовной консистории всего было выявлено 13. Необходимо отметить, что именно Казанская губерния рассматривалась как центр старообрядческого согласия. Все следственные дела оказываются структурно и содержательно типичны. Уголовной статьёй, по которой обвинялись рябиновцы, было «уклонение в раскол» от православной церкви. Рост количества следственных дел (в том числе и против представителей иных старообрядческих согласий<sup>2</sup>) в период николаевского правительства по сравнению с периодами правлений других российских императоров свидетельствует о дискриминационном курсе по отношению к старообрядцам империи, что уже подробно описано в российской и зарубежной историографии [Фирсов, 2009; Marsden, 2015]. Содержательная ценность следственных материалов заключается в следующем. Благодаря выпискам из протоколов журналов заседаний Казанской Духовной консистории и Уголовной палаты можно выявить причины и обстоятельства, побудившие светских властей инициировать уголовные преследования и социальный состав рябиновцев. Большую ценность также имеют показания, представленные в протоколах увещеваний «отступников» в консистории, благодаря которым можно узнать об особенностях религиозных обрядов старообрядцев и скорректировать ряд историографических выводов об изучаемом согласии.

Необходимо отметить, что ни в одном из полемических трудов православных авторов или старообрядцев в XVIII в. не упоминается такое согласие, как «рябиновское» или «согласие по кресту» [Мельников, 1862, 61–69]. Только благодаря усилению бюрократического контроля над старообрядцами в начале XIX в. рябиновцы попали в поле зрения имперских чиновников. Одно из первых упоминаний о них относится к секретным статистическим сведениям, которые собирались местными светскими властями о количестве старообрядцев в губерниях в 1822 г. Целью сбора такой информации было желание имперского правительства оценить успешность различных мер по отношению к старообрядцам в разные исторические периоды [Ивановский, 1867, 261]. Кроме того, статистика позволяла чиновникам проанализировать степень религиозного многообразия на локальном приходском уровне. Систематический сбор информации о старообрядцах пришёлся на годы правления Николая I [Raert, 2006, 83]. В ходе данных мероприятий не только собирались поимённые списки с указанием сословной принадлежности, но и описывались отдельные обряды, характерные для разных старообрядческих согласий. Согласно этим данным, рябиновцы были представлены только в Лаишевском уезде Казанской губернии [ГАРТ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 45] – с пометкой, что их религиозная повседневность близка к поморскому согласию, т.е. они не принимают какой-либо церковной иерархии (беспоповцы). По другим имеющимся сведениям, «рябиновщина» упоминается в Самарской губернии, которая, по мнению Н. В. Варадинова, в 1840 г. «занесена из Нижегородской губернии» [Варадинов, 1863, 544]. Вслед за казанскими чиновниками он также полагает, что данное согласие было одним из направлений поморского «толка».

#### **«Секта по простонародию называема рябинова»**

Именно благодаря чиновникам и православному духовенству можно реконструировать религиозную повседневность рябиновского согласия. Прежде всего, интерес бюрократов к данному согласию и вообще к старообрядцам в первой половине XIX в. был неслучаен. С одной стороны, как свидетельствуют дореволюционные авторы, в Российской империи к концу XVIII в. – первой четверти XIX в. наблюдался статистический рост количества уклонившихся в старообрядчество [Васильевский, 1914, 6–8]. Это было вызвано противоречивой политикой самих российских властей по отношению к старообрядцам. При Екатерине II и практически до последнего десятилетия царствования Александра I старообрядцы находились в ситуации неофициальной терпимости, когда они были освобождены от двойного подушного оклада, разрешалось функционирование староверческих религиозных центров и, наконец, запрещалось вмешательство светских чиновников и православного духовенства в религиозные дела старообрядцев. Несмотря на это, старообрядчество в его многообразии так и не стало юридически приемлемой конфессией в государстве. Об этом свидетельствуют рост дискриминационных мер по отношению к старообрядцам,

характерных для последних годов правления Александра I и достигших своего пика в эпоху Николая I. В результате кодификации российского законодательства было окончательно определено, что николаевское правительство раскольнические секты «законным актом не признавало и не признаёт» [Устав, 1847]. Кроме того, важным шагом в усилении административного надзора за старообрядцами стало создание секретных совещательных комитетов по делам о раскольниках в наиболее крупных губернских городах [Кельсивиев, 1861, 177].

Помимо закрытия крупных старообрядческих центров по всей стране, в годы правления Николая I был усилен надзор на локальном приходском уровне за ограничением выборов старообрядцев в общественные должности, юридическим признанием браков между старообрядцами, с целью выявления «потаённых раскольников», официально выдавших себя за православных прихожан. Ещё в 1823 г. приходским священникам запрещалось указывать старообрядцев как бывших в православной церкви на исповеди и причастии [ГАРТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1510 (1150). ЛЛ. 8 – 9 об.]. Кроме того, как свидетельствуют материалы Казанской Духовной консистории, православным священнослужителям строго запрещалось крестить детей старообрядцев и венчать в православной церкви [ГАРТ. Ф. 4. Оп. 72. Д. 47. Л. 9 об.].

В результате в неоднозначной ситуации оказались представители рябиновского согласия. Как свидетельствуют следственные показания, до 1820-х гг. (т.е. до первых упоминаний в статистических документах и до возбуждений следственных дел против них) рябиновцы крестились и венчались в православной церкви [Крестьянинов, 2020, 85]. Следовательно, формально по имперскому законодательству они принадлежали к православной церкви и не имели право перехода в иные конфессии [Устав, 1847]. Необходимо отметить, что такая стратегия принятия указанных выше таинств была характерна для представителей беспоповских согласий: поморцев и спасовцев. Однако логика принятия таинств для представителей этих согласий кардинально отличалась. Для представителей поморского согласия крещение и венчание в православной церкви с дальнейшим перекрещиванием предоставляло возможность получения гражданских прав (заключение законного брака, права передачи имущества и наследования, выборы в общественные должности и др.). Однако спасовцами, которые не проводили обряд перекрещивания, таинства крещения и венчания рассматривались как сакраментальные, несмотря на то, что они были приняты «от рук» православных священников.

Возможно, логика принятия рябиновцами таинств в православной церкви была более близка к спасовцам, чем к поморцам. Данный тезис подтверждают показания самих старообрядцев в Казанской духовной консистории о том, что они не перекрещивали собственных детей. Имеются лишь единичные сведения, когда они признавались, что была процедура перекрещивания [ГАРТ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 35. Л. 1; Ф. 4. Оп. 72. Д. 28. Л. 2]. Тем самым, можно предположить, что рябиновцы, также как и спасовцы, рассматривали до определённого момента данные таинства как сакраментальные.

При этом основным маркером религиозной идентичности группы было использование в обрядовой практике деревянного креста. Так, губернские чиновники в ответ на запрос от Министерства внутренних дел в 1850 г. отмечали следующую особенность:

«Секту сию так называют в просторечии, потому что последователи этой секты почитают истинным крестом только крест сделанный из рябины, принимая рябину за певг, который де (певг) входил в состав креста, на коем распят был Иисус Христос; а в существе своём эта секта ест тоже, что и беспоповщина, впрочем отличается от сей последней следующими особенностями или мнениями: 1. Последователи Секты рябиновщины носят на себе и при Молитвословиях употребляют крест, сделанный из рябины. 2. На сём кресте не должно быть изображение Спасителя» [ГАРТ. Ф. 5. Оп. 69. Д. 8. Л. 13 об.].

В этом случае стоит согласиться с выводами дореволюционных исследователей русского раскола и сектанства Н.И. Ивановского и С.В. Булгакова о том, что слово «рябиновцы» было не самоназванием, а внешним именованием: «отсюда их прозвали “рябиновцами”, или “рябиновщина”, а сами они себя называют “по кресту”,

т.е. поклоняющиеся кресту Христову и без написания плоти Христовой» [Булгаков, 1913, 1653]. В самих же следственных документах они просто называют себя или «беспоповщина», или «беспоповщина под именем покрещенцов» [Крестьянинов, 2016, 175–176]. Данные показания совпадают и с этнографическими сведениями, представленными А.В. Черных.

Современный исследователь старообрядчества Ю.В. Боровик предположил, что данное согласие, возможно, возникло в результате дискуссий о надписях на кресте между поморцами и федосеевцами [Боровик, 2005, 298]. Однако здесь необходимо отметить, что на рябиновских крестах отсутствуют какие-либо вообще надписи. Хотя, как известно, основной спор между старообрядцами-беспоповцами строился не вокруг необходимости или ненужности надписи, а вокруг того, какое титуло является правильным: «ИИЦ» или «Царь Славы Ис. Хс. Ника» [Смирнов, 1909, 283–294]. Поэтому вряд ли рябиновцы появились в результате подобной полемики между старообрядцами.

Если восстановить определённую религиозную генеалогию рябиновцев, то оказывается, что они были ближе не столько к поморскому согласию, сколько к спасовцам, которые и сами не отличались единообразием. Ещё в конце в XVIII в. А.И. Журавлев отмечал, что «они (спасовцы – А. К.) разделились на три партии за некие маловажности, какие же подробно неизвестно» [Журавлев, 1795, 43]. Кроме того, интересны заметки священника А. Лунина о селе Воскресенском Саратовской губернии:

«Из спасова согласия выделились толки: леваки и покрещенцы. Покрещенцы сначала были православными, потом, уклонившись въ спасово согласие, стали себя крестить. Из покрещенцев одни празднуют воскресный день вместе с православными, другие в среду каждой седмицы, вследствие ошибочного будто бы нынешняго летосчисления церковнаго, восемь летъ прибавивтаго к году рождения Христа Спасителя» [Лунин, 1884, 345].

В данном случае А. Лунин, возможно, подразумевал под покрещенцами движение самокрестов, которые были как среди спасовцев, так и среди поморцев [Агеева, 2013, 44]. Среди многочисленных представителей самокрестов представляет интерес Матвей Андреевич (179 –1868) из Симбирской губернии, который ушёл от федосеевцев «из-за того, те не молились за царя и не признавали брака» [Агеева, 2013, 44], в результате чего в 1838 г. надел самостоятельно на себя крест. Здесь можно заметить определённые параллели с представителями рябиновского согласия. Как они сами писали в письмах к казанским чиновникам в 1843 г.:

«Молимся Всевышнему Создателю о Его Императорском Величестве и За Палату и за всю установленную Власть Законом Божиим и за все Человеки сотворенныя по образу Божию. В Прочем уповаем как соблаговолит о нас Всещедрый Господь и Милостивый Государь и Правительствующий Сенат и прочее начальство» [Крестьянинов, 2016, 176].

Тем самым на основе сведений, разбросанных по разным бюрократическим документам, можно выделить следующие особенности религиозной идентичности рябиновцев: крещение и венчание в православной церкви, использование в обрядовой практике деревянного креста без лика Христа и титула, моление за царя. Именно два последних маркера кардинально отличают их как от представителей поморского, так и спасовских согласий.

Эпоха Николаевского правления кардинально повлияет на структурные изменения в самом старообрядческом согласии, предполагавшем разрыв с православной церковью. Как уже было указано выше, в николаевское время происходит усиление дисциплинарного надзора как за приходскими священниками, так и за приходом – с целью выявления «потаённых раскольников». Тем самым возможности совершения таинства крещения и венчания для рябиновцев (как и для спасовцев) сокращаются. Косвенным подтверждением этих процессов становится то, что в 1830–40-е гг. сами старообрядцы свидетельствовали о крещении ими детей. Кроме того, показательной является дискуссия среди спасовцев о возможностях крещения вне православной церкви, что приведёт если не к расколу, то к конфессионализации отдельных групп спасовцев [Агеева, Робсон, Смилянская, 1997]. Такие же тенден-

ции были и характерны для рябиновцев. Ряд показаний свидетельствует, что первоначально детей могли крестить как повивальные бабки, так и определённые наставники. В дальнейшем именно наставники будут совершать основной обряд, в том числе и освящение брачного союза старообрядцев:

«Первоначально я (Мавра Иванова. – А. К.) и крестьянин Янин Илья Петров дали пред иконою Божия Матери и кипарисным без означения Распятого крестом клятвенное обещание быть один другому верными до конца жизни; потом Спириин читал нам относящуюся к супружеству правило из старопечатной книги» [ГАРТ. Ф. 4. Оп. 68. Д. 17. Л. 13об.].

Обоснование возможности такого способа заключения брака, как свидетельствуют их письма к Казанской духовной консистории в 1840-х г., они находят в Кормчей книге и Большом Катехизисе:

«А законный брак также исполняем по священному Писанию и по родительскому благословению, как пишет в книге Кормчей на 500м листу во главе 50я изложения древних царей Леона и Константина, сему же подобна в книге Большой Катехизис или беседословии во главе 70й о шестой тайне исполняем всё по святому писанию безовсякого притом священнодействии» [Крестьянинов, 2016, 176].

Представители рябиновского согласия, отказавшись от крещения и венчания в православной церкви, оказывались в маргинальном правовом положении, так как, в соответствии с имперским законодательством, (до 1874 г.) брачные союзы, заключённые вне православной церкви, рассматривались правительством как «любодеяние»: супруги не именовались как «муж» или «жена», а их дети не признавались законнорождёнными. Подобная ситуация могла привести к ограничениям в гражданских правах, в частности, связанных с передачей и наследованием имущества.

Коммуникация старообрядцев с властями способствовала сбору информации об отдельных обрядах рябиновцев, в частности, исповеди и причастии. Необходимо отметить, что их аргументы в пользу возможности исполнения таинств и причастия без участия священнослужителей мало чем отличалось от аргументов представителей иных старообрядческих беспоповских согласий. В письмах указано, что рябиновцы исповедовались друг к другу следующим образом: «исповедания по апостолу как пишит, исповедуите друг другу согрешения своя, и друг за друга молитися Богу и тако исцеляйте <...>». В данном случае рябиновцы говорят о возможности совершения исповеди без участия священнослужителей, ссылаясь, как было характерно для большинства беспоповских согласий, на послание Иакова [5:16]. Это было характерно и для причастия, которое, в отсутствие священства, заменяется на духовное причастие: «приобщения святых таин как пишит Блаженный пророк Давид Жертва Богу дух сокрушён сердце сокрушён и смиренно Бог не уничтожит ублажит» [Крестьянинов, 2016, 176].

Описание погребального обряда также было выполнено местными чиновниками в 1851 г. в связи с запросом от Синода и МВД, желающих выяснить особенности религиозного вероучения рябиновцев:

«Погребение умерших совершаются у них молитвами и поклонами без всякого священнодействия; по их мнению, должно и хоронить умерших потаённо и без всякой церемониальность в местах, никому из посторонних неизвестных. Это мнение основывают они на словах Евангельской приччи о богатом Лазаре, где говорится: бысть умерти нищему и несену быти Ангелы на лоно Авраамие, умер же и богатый и погребена его. И во аде возвед очи свои сый в муках узре Аврама издалеча и Лазаря на лоне его. Из этой приччи они выводят превратное толкование, что погребённый, и особенно с торжественностью, должен быть непременно в аду, тем паче, что и Андрей Юродивый видел, что при погребении некоего богача, торжественно совершаемом ликовали бесы» [ГАРТ. Ф. 5. Оп. 69. Д. 8. Л. 15].

Возможно, закрытость обряда погребения от посторонних глаз связана не столько с бытующими религиозными взглядами, сколько с внеконфессиональными обстоятельствами. Публичность погребального обряда, совершаемого вне православной церкви, могла привлечь ненужное внимание со стороны приходского духовенства или местных чиновников. Тем самым это могло привести к судебному преследованию старообрядцев, которые ранее считались православными.

**Заключение**

Собираемая чиновниками и священнослужителями информация о рябиновцах в период николаевского правительства относилась к секретным сведениям. Данные материалы стали доступны только в эпоху Александра II, когда они стали привлекаться в качестве исторических источников по истории русского раскола, как, например, в работах профессора Казанской Духовной академии Н. И. Ивановского. В то же время данные сведения позволили чиновникам классифицировать рябиновцев как отдельное «вредное» согласие – наряду с поморским. Основным критерием, по которому их отнесли к «вредным» течениям, была форма заключения брачного союза: «<...> Рябиновская секта может быть признана вредною для общества по разврату, которыми должны сопровождаться браки совершенные по обряду сей секты не священником, а одним благословением родительским» [ГАРТ. Ф. 5. Оп. 69. Д. 8. Л. 15]. Собранные материалы в свою очередь привели к усилению локального надзора над старообрядцами со стороны местного приходского духовенства. Для самих рябиновцев дисциплинарный надзор приведёт к интенсификации религиозной жизни – появлению апологетических писем, разрыву с православной церковью (совершение ритуалов крещения, брака, погребения через собственных наставников).

**Список сокращений**

ГАРТ – Государственный архив Республики Татарстан

**Библиографический список**

1. Агеева, Е.А. Самокрещение в старообрядчестве: центры, практика, письменная традиция / Е.А. Агеева // Вестник Томского государственного университета. История. – 2013. – №1 (21). – С. 44–48.
2. Агеева, Е.А. Старообрядцы-спасовцы: Пути народного богословия и формы самосохранения традиционных обществ в России XX столетия / Е.А. Агеева, Р.Р. Робсон, Е.Б. Смилянская // Revue des Études Slaves. – 1997. – 69–1–2. – С. 101–117.
3. Боровик, Ю.В. «В нашей стране таковых разных толков и разных понятий... перенаполнено» (К истории некоторых старообрядческих согласий Урала и Зауралья в начале XX в.: спасовцы, рябиновцы, самокресты) / Ю.В. Боровик // Проблемы истории России. – Екатеринбург, 2005. – Вып. 6. – С. 294–315.
4. Булгаков, С.В. Настольная книга для священно-церковно-служителей. Сборник сведений, касающихся преимущественно практической деятельности отечественного духовенства / С.В. Булгаков. – Киев: тип. Киево-Печерской Успенской лавры, 1913. – 1773 с.
5. Варадинов, Н.В. История министерства внутренних дел / Н.В. Варадинов. – СПб.: Тип. М-ва внутр. Дел, 1863. – Т. 8. – 656 с.
6. Васильевский, М.Н. Государственная система отношений к старообрядческому расколу в царствование императора Николая I / М.Н. Васильевский. – Казань: Центр. тип., 1914. – 254 с.
7. Государственный архив Республики Татарстан (ГАРТ). Ф. 1. Оп. 1. Д. 45.
8. Государственный архив Республики Татарстан (ГАРТ). Ф. 1. Оп. 2. Д. 35.
9. Государственный архив Республики Татарстан (ГАРТ). Ф. 4. Оп. 1. Д. 1510 (1150).
10. Государственный архив Республики Татарстан (ГАРТ). Ф. 4. Оп. 68. Д. 17.
11. Государственный архив Республики Татарстан (ГАРТ). Ф. 4. Оп. 72. Д. 47.
12. Государственный архив Республики Татарстан (ГАРТ). Ф. 4. Оп. 72. Д. 28.
13. Государственный архив Республики Татарстан (ГАРТ). Ф. 5. Оп. 69. Д. 8.
14. Журавлев, А.И. Полное историческое известие о древних стригольниках, и новых раскольниках, так называемых, старообрядцах, о их учении, делах и разгласиях / А.И. Журавлев. – СПб.: При Императорской Академии наук, 1795.
15. Ивановский, Н.И. О численности раскольников / Н.И. Ивановский. – Православный собеседник. – 1867. – Ч. 2. – С. 257–302.
16. Ивановский, Н.И. О рябиновщине / Н.И. Ивановский // Православный собеседник. – 1867. – Ч. 2. – С. 43–66.
17. Кельсиев, В.И. Сборник правительственных сведений о раскольниках / Сост. В. И. Кельсиев. – Лондон: Trübner & Co, 1861. – Вып. 2. – 299 с.
18. Крестьянинов, А.В. «Раскольнические акты» рябиновцев первой половины XIX в. / А.В. Крестьянинов // Традиционная культура. – 2016. – № 4(64). – С. 172–178.
19. Крестьянинов, А.В. Брачно-семейные отношения в рябиновском согласии в первой половине XIX в. / А.В. Крестьянинов // Культура славян и культура евреев: диалог, сходства, различия. – 2020. – С. 75–93.

20. Лунин, А. Очерк села Воскресенского, Вольского уезда / А. Лунин // Саратовские епархиальные ведомости. – 1884. – № 12. – С. 343–350.
21. Мальцев, А.И. Старообрядческие беспоповские согласия в XVIII – начале XIX в.: проблема взаимоотношений / А.И. Мальцев. – Новосибирск: ИД «СОВА», 2006. – 572 с.
22. Мельников, П.И. Письма о расколе / П.И. Мельников. – СПб.: тип. Н. Греча, 1862. – 95 с.
23. Покровский, Н.Н. Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в. / Н.Н. Покровский. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1974. – 394 с.
24. Смирнов, П.С. Споры и разделения в русском расколе в первой четверти XVIII века / П.С. Смирнов. – СПб.: тип. М. Меркушева, 1909. – 364, 168 с.
25. Устав о предупреждении и пресечении преступлений // Свод законов Российской империи. – СПб.: Тип. Второго отд. Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1842. – Т. 14.
26. Фирсов, С.Л. Православное государство и русские старообрядцы-поповцы в эпоху императора Николая I / С.Л. Фирсов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Политология. Международные отношения. – 2009. – № 1. – С. 6–15.
27. Черных, А.В. Идентичность и конфессиональные маркеры старообрядцев «согласия по кресту» Нижней Камы по материалам этнографических экспедиций / А.В. Черных, А.В. Вострокнутов // Уральский исторический вестник. – 2020. – № 3 (68). – С. 26–34.
28. Щапов, А.П. Земство и раскол / А.П. Щапова. – СПб.: Д.Е. Кожанчиков, 1862. – Вып. 1. – 161 с.
29. Юхименко, Е.М. Выговская старообрядческая пустынь: духовная жизнь и литература / Е.М. Юхименко; – М.: Яз. славян. культуры. – Т. 1. – 2002. – 544 с.
30. Marsden, T. The crisis of religious toleration in Imperial Russia: Bibikov's system for the Old Believers, 1841–1855 / T. Marsden. – Oxford: Oxford univ. press, 2015. – 280 p.
31. Paert, I. «Two or Twenty Million?» The Languages of Official Statistics and Religious Dissent in Imperial Russia / I. Paert // *Ab imperio*. – 2006. – № 3. – P. 75–98.
32. Werth, P. Lived Orthodoxy and Confessional Diversity: The Last Decade on Religion in Modern Russia / P. Werth // *Kritika: explorations in Russian and Eurasian history*. – 2011. – Vol. 12. – No. 4. – P. 849–865.

*Текст поступил в редакцию 31.01.2023.*

*Принят к печати 27.03.2023.*

*Опубликован 28.09.2023.*

---

<sup>1</sup> Основной вклад в изучении старообрядческих общин был сделан православными священнослужителями, проводившими миссионерскую кампанию среди раскольников. Этим обусловлена специфика указываемых источников, заключающаяся в их полемическом характере. См. полемическую антираскольническую литературу, распространённую в первой половине XIX в. [Варадинов, 1863, 3–10].

<sup>2</sup> По примерным подсчётам за период николаевского правления было возбуждено 74 следственных дела против представителей разных старообрядческих согласий в Казанской губернии.

## References

1. Ageeva E.A. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriiia* [Tomsk State University Journal of History]. 2013, no. 1 (21), pp. 44–48 (in Russian).
2. Ageeva, E.A., R.R. Robson, E.B. Smilianskaia. *Revue des Études Slaves*. 1997, vol. 69, no. 1–2, pp. 104–105 (in Russian).
3. Borovik Iu.V. *Problemy istorii Rossii. Vypusk 6* [Issues of Russian history. Volume 6]. Ekaterinburg, 2005, pp. 294–315 (in Russian).
4. Bulgakov S.V. *Nastol'naya kniga dlya svyashchenno-cerkovno-sluzhitelej. Sbornik svedenij, kasayushchih'sya preimushchestvenno prakticheskoy deyatel'no-sti otechestvennogo duhovenstva* [A Handbook for Priests and Clergy. A collection of information concerning mainly the practical activities of the national clergy]. Kiev: Kiev-Pecherskoj Uspenskoj lavry publ., 1913, 1773 p. (In Russian).
5. Chernyh A.V., Vostroknutov A.V. *Ural'skij istoricheskij vestnik* [Ural Historical journal]. 2020, no. 3 (68), pp. 26–34 (in Russian).
6. Firsov S.L. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Politologija. Mezhdunarodnye otnosheniia* [Vestnik of St. Petersburg University. International Relations]. 2009, ser. 6, iss. 1, pp. 6–15 (in Russian).
7. *Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Tatarstan* [State archive of the Republic of Tatarstan]. Fund 1. Inventory 1. File 45 (in Russian).
8. *Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Tatarstan* [State archive of the Republic of Tatarstan]. Fund 1. Inventory 2. File 35 (in Russian).
9. *Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Tatarstan* [State archive of the Republic of Tatarstan]. Fund 1. Inventory 1. File 1510 (1150) (in Russian).

10. *Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Tatarstan* [State archive of the Republic of Tatarstan]. Fund 4. Inventory 68. File 17 (in Russian).
11. *Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Tatarstan* [State archive of the Republic of Tatarstan]. Fund 4. Inventory 72. File 47 (in Russian).
12. *Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Tatarstan* [State archive of the Republic of Tatarstan]. Fund 4. Inventory 72. File 28 (in Russian).
13. *Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Tatarstan* [State archive of the Republic of Tatarstan]. Fund 5. Inventory 69. File 8 (in Russian).
14. Ivanovsky N.I. *Pravoslavny sobesednik* [Orthodox interlocutor]. 1867, part 2, pp. 257–302 (in Russian).
15. Ivanovsky N.I. *Pravoslavny sobesednik* [Orthodox interlocutor]. 1867, part 2, pp. 43–66 (in Russian).
16. Kel'siev V.I. *Sbornik pravitel'stvennykh svedenij o raskol'nikah. Vyp. 2* [Collection of government information on dissenters. Vol. 2]. London: Trübner & C°, 1861, 299 p. (in Russian).
17. Krestyaninov A.V. *Kul'tura slavyan i kul'tura evreev: dialog, skhodstva, razlichiya* [Slavic and Jewish Culture: Dialogue, Similarities, and Differences]. Moscow, 2020, pp. 75–93 (in Russian).
18. Krestyaninov A.V. *Tradicionnaya kul'tura* [Traditional culture]. 2016, no. 4(64), pp. 172–178 (in Russian).
19. Lunin A. *Saratovskie eparhial'nye vedomosti* [Saratov Diocesan Gazette]. 1884, no. 12, pp. 343–350 (in Russian).
20. Mal'cev A. I. *Starobryadcheskie bespopovskie soglasiya v XVIII – nachale XIX v.: problema vzaimootnoshenij* [Old Believers' bespopovtsy denomination in the Eighteenth and Early Nineteenth Centuries: The Problem of Relationships]. Novosibirsk: Sova, 2006, 572 p. (In Russian).
21. Marsden T. *The crisis of religious toleration in Imperial Russia: Bibikov's system for the Old Believers, 1841–1855*. Oxford univ. press, 2015, 280 p.
22. Mel'nikov P.I. *Pis'ma o raskole* [Letters about schism]. St. Petersburg: N. Grecha publ., 1862, 95 p. (in Russian).
23. Paert I. “Two or Twenty Million?” The Languages of Official Statistics and Religious Dissent in Imperial Russia. *Ab imperio*. 2006, no. 3, pp. 75–98.
24. Pokrovskij N.N. *Antifeodal'nyj protest uralo-sibirskih krest'yan-starobryadcev v XVIII v.* [Anti-feudal protest of the Uralo-Siberian Old Believers peasants in the 18th century]. Novosibirsk: Nauka. Sib. otd-nie, 1974, 394 p. (In Russian).
25. Shchapov A.P. *Zemstvo i raskol. Vyp. 1* [Zemstvo and the Schism. Vol. 1]. St. Petersburg: D.E. Kozhanchikov publ., 1862, 161 p. (in Russian).
26. Smirnov P. S. *Spory i razdeleniya v russkom raskole v pervoj chetverti XVIII veka* [Disputes and Divisions in the Russian Schism in the First Quarter of the Eighteenth Century]. St. Petersburg: M. Merkusheva publ., 1909, 364, 168 p. (In Russian).
27. *Svod zakonov Rossiyskoy imperii* [The Code of Laws of the Russian Empire]. St. Petersburg: Typ. of the Second Dep. of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1842, vol. 14.
28. Varadinov N.V. *Istoriya ministerstva vnutrennih del* [History of the Ministry of Internal Affairs]. St. Petersburg: M-va Vnutr. Del publ., 1863, vol. 8, 656 p. (In Russian).
29. Vasil'evskij M.N. *Gosudarstvennaya sistema otnoshenij k starobryadcheskomu raskolu v carstvovanie imperatora Nikolaya I* [State system of relations to the Old Believer schism in the reign of Emperor Nicholas I]. Kazan: Centr. Publ., 1914, 254 p. (In Russian).
30. Werth P. Lived Orthodoxy and Confessional Diversity: The Last Decade on Religion in Modern Russia. *Kritika: explorations in Russian and Eurasian history*. 2011, vol. 12, no. 4, pp. 849–865.
31. Yuhimenko E.M. *Vygovskaya starobryadcheskaya pustyn': duhovnaya zhizn' i literature* [Vygovskaya Old Believer Hermitage: Spiritual Life and Literature]. Moscow: Yaz. slavyan. kul'tury, vol. 1, 2002, 544 p. (In Russian).
32. Zhuravlev A. I. *Polnoe istoricheskoe izvestie o drevnih strigol'nikah, i novyh raskol'nikah, tak nazyvaemykh, starobryadcah, o ih uchenii, delah i razglasiyah* [Full Historical Account of the Ancient Strigolniks and New Schismatics, the So-Called Old Believers, of Their Doctrine, Deeds, and Disagreements]. St. Petersburg: Pri Imperatorskoj Akademii nauk, 1795 (in Russian).

Submitted for publication: January 31, 2023.

Accepted for publication: March 27, 2023.

Published: September 28, 2023.